

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-38-44>

Символика белого цвета в стихотворении Р. Рождественского «Кладбище под Парижем»: лингвокультурологический аспект

Олег Евгеньевич Вороничев¹, Анастасия Олеговна Вороничева²

¹ Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия, voonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

² Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Россия, nastycrow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0154-3844>

Аннотация. Стихотворение Роберта Рождественского «Кладбище под Парижем», несмотря на то что его автор жил в эпоху распространения идей научного атеизма, представляет собой художественный опыт осмысления Гражданской войны как евангельского греха братоубийства. Цель статьи – проанализировать текст произведения в лингвокультурологическом аспекте. Исследование проводилось с применением следующих методов: историко-генетического, описательного, метода наблюдения над стилистическими функциями языковых единиц и методов нарративного, семантического, компонентного и лингвостилистического анализа. В результате были проанализированы выступающие в роли главного объекта исследования слова и устойчивые сочетания, при помощи которых автор передает семантические оттенки белого цвета и создает необходимый для их контрастного восприятия контекстуальный фон. Доминантным лексическим репрезентантом семантики белого цвета в стихотворении Р. Рождественского является прилагательное *белый*, неоднократно повторяемое в разных грамматических формах. Экспрессивный эффект при восприятии произведения достигается прежде всего органичным сочетанием двух основных узусных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) ключевого слова с контекстуальными семантическими оттенками 'цвет савана', 'цвет одежд ангелов, святых' и актуализацией закрепленных за этим цветообозначением концептуально значимых для русского менталитета ассоциативно взаимосвязанных тем смерти и святости. Лингвокультурологическая значимость в тексте лексической доминанты *белый* и ее семантических оттенков усиливается с помощью однокоренного наречия *добела*, ассоциативно близких обозначений *березовый*, *облака*, *свечи* и других тематически взаимодействующих с ним слов и выражений. Авторы приходят к выводу, что семантика белого цвета в стихотворении «Кладбище под Парижем» выполняет текстообразующую и смыслообразующую функции, поскольку создает общую эстетическую тональность произведения и в значительной степени помогает объективно оценить авторский замысел и его художественную реализацию в тексте.

Ключевые слова: белый, цвет, семантика, лексический, стихотворение, Р. Рождественский, «Кладбище под Парижем»

Для цитирования: Вороничев О. Е., Вороничева А. О. Символика белого цвета в стихотворении Р. Рождественского «Кладбище под Парижем»: лингвокультурологический аспект // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 38–44. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-38-44>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

White colour symbolism in the poem "A Cemetery near Paris" by R. Rozhdestvensky: a linguoculturological aspect

Oleg E. Voronichev¹, Anastasia O. Voronicheva²

¹ The Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia, voonid@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

² The Bryansk State Engineering and Technological University, Bryansk, Russia, nastycrow@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-0154-3844>

Abstract. Robert Rozhdestvensky lived in the era of scientific atheist propaganda. Nevertheless, his poem "A Cemetery near Paris" is an artistic experience of understanding a civil war as the evangelical sin of fratricide. The article aims to analyse the poetic text from a linguoculturological perspective. The study used historical-genetic, descriptive methods as well as the method of observation of the stylistic functions of linguistic units in conjunction with narrative, semantic, componential, and linguo-stylistic analysis. We examined the words and set phrases that act as the main object of this study. Using them, the poet conveys the semantic shades of white and creates the contextual background necessary for their contrastive perception. The adjective *white* is the dominant lexical means representing the white colour semantics in the poem by R. Rozhdestvensky. Its different grammatical forms repeatedly occur in the text. The expressive effect in the perception of the work is achieved primarily through a natural combination of two main usual lexico-semantic variants (LSV) of the keyword with the contextual semantic connotations 'colour of the shroud', 'colour of the robes of angels, saints'. In addition, such an effect is also created by actualising the themes of death and holiness which are conceptually significant for the Russian mental linguistic consciousness. These interrelated concepts are associated with the colour *white*. The linguoculturological significance of the dominating lexical unit *white* and its shades of meaning in the text is enhanced with the help of the same root adverb *dobela* (English *until it is spotlessly clean*). Other means include associatively related designations *birch, clouds, candles* as well as words and expressions thematically interacting with the lexeme *white*. We conclude that the semantics of the colour white in the poem "A Cemetery near Paris" performs text-forming and semantic functions since it creates a general elegiac tone of the work and considerably helps to objectively evaluate the message of the poet and how it is artistically conveyed in the text.

Keywords: white, colour, semantics, lexical, poem, R. Rozhdestvensky, "A Cemetery near Paris"

For citation: Voronichev O. E., Voronicheva A. O. White colour symbolism in the poem "A Cemetery near Paris" by R. Rozhdestvensky: a linguoculturological aspect. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2023;84(2):38–44. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-38-44>.

Введение. Несмотря на то что стихотворение «Кладбище под Парижем» было написано Р. Рождественским в конце 70-х гг. XX в., оно воспринимается и сегодня как пронзительное лирическое откровение русского человека, душа которого проникнута элегическим настроением и состраданием к соотечественникам, покоящимся вдали от Родины.

Стихотворение, автор которого жил и творил в эпоху пропаганды идей научного атеизма, по сути, представляет собой художественное, весьма актуальное в наши дни осмысление Гражданской войны как евангельского греха братоубийства, способствует осознанию ее трагизма и в конечном счете воспринимается как подтекстный призыв к милосердию и примирению.

Актуальность тематики и мастерство автора в создании лирической ностальгически скорбной тональности этого произведения не могут оставить читателя равнодушным. Поэтому в СССР и в эмигрантских кругах реакция на первую публикацию стихотворения (в 1984 г. в журнале «Юность») была далеко не однозначной: потомки эмигрантов

не приняли текст из-за слов *Только не наши они, а ничьи* (первая редакция: *Только не наши скорей, а ничьи*).

В данной статье на основе анализа цветовой семантики стихотворения как его синергетического центра мы попытаемся оценить общий замысел, главную идею, архитектонику произведения и доказать, что в текст органично входит и эта, негативно воспринятая эмигрантами, строка.

Методы исследования. В работе использованы метод наблюдения над стилистическими функциями языковых единиц, описательный метод, методы нарративного, семантического, компонентного, лингвостилистического анализа и историко-генетический метод.

Анализ. Данный лингвокультурологический анализ с использованием элементов методологического аппарата лингвостилистики и психолингвистики априорно не может претендовать на полную объективность. Еще Л. В. Щерба в «Опытах лингвистического толкования стихотворений» подчеркивал, что все такого рода «семантические наблюдения могут быть только

субъективными» [Щерба 1957: 28]. Тем не менее объективным остается то, что «цветовое восприятие является, вообще говоря, одним для всех групп людей... Но языковая концептуализация различна в разных культурах... Язык отражает происходящее в сознании, а не в мозгу, наше же сознание формируется, в частности, и под воздействием окружающей нас культуры» [Вежицкая 1996: 238–239]. По мнению Е. В. Рахилиной, «за базовым цветом, как правило, всегда стоит некоторый концепт, а не просто часть спектра, и именно он, а не физический цвет определяет сочетаемостные возможности базового прилагательного цвета» [Рахилина 2011: 35].

Если исходить из этих объективных факторов, то при исследовании цветовой семантики в тексте Рождественского в первую очередь обращает на себя внимание лексема *белый*, которая является не только ключевой в данном стихотворении, но и одним из лексических концептов, составляющих русскую языковую картину мира и, в частности, лингвоцветовую картину мира (термин К. А. Андреевой [Андреева, Электронный ресурс]). Несмотря на всю неоднозначность терминов *концепт* и *лексический концепт*, вряд ли кто-либо станет отрицать, что у слов-цветообозначений в русском языке особая концептуальная значимость, сопоставимая «пожалуй, лишь со статусом терминов родства» [Фрумкина 1984: 4]. Одним из подтверждений значимости слов данной лексико-семантической группы является их реализованная в языке способность к конверсии: прилагательные *белый, черный, красный, голубой, коричневый, зеленый* активно выступают сегодня в роли субстантивов.

Весь текст — уже с первой строки — будто бы пронизан белизной, и этот экспрессивный эффект достигается главным образом посредством многократного повтора лексической доминанты *белый*, выступающей в разных грамматических формах: *белая церковка, белая гвардия, белое воинство, белая кость, на белом коне* и др.). Этот эффект усиливают однокоренные слова (*камень дождями изрыт добела*) и непрямые, ассоциативно близкие обозначения белого цвета: *свечи, березовый отсвет, облака*. В фонике ощутима аллитерация [б]: с ключевыми лексическими единицами

с корнем *-бел-* тесно взаимодействуют слова *доблесть, кладбище, штабс-капитаны, буквы, благородия, забытые, бывшие, победившую, березовый* и др. Эта аллитерация особо акцентирована в финале: *облака, будто белые...*

У лексемы *белый* в современных толковых словарях зафиксированы следующие значения и семантические оттенки:

1. Цвета снега или мела; противоп. черн. Белый. Белая береза. 2. Светлый. Белое вино. Б. хлеб. 3. Контрреволюционный, белогвардейский (употр. со времен Великой французской революции, когда обозначало сторонника Бурбонов); противоп. красный. Б. офицер. Белая гвардия // в знач. сущ., преимущ., мн. белые, -ых. Белогвардейцы. В плену у белых. 4. Белокожий (о расе, в отличие от краснокожих и т. д.). Белая раса¹.

Субстантиват *белый*, отмеченный в словаре Д. Н. Ушакова в качестве семантического оттенка, в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (СОШ) выделен как имеющий самостоятельное значение², а в словаре Т. Ф. Ефремовой признан омонимом (одним из шести в гнезде). В то же время анализируемое нами цветообозначающее прилагательное *белый* зафиксировано в словаре Т. Ф. Ефремовой с тремя дополнительными переносными разговорными семантическими оттенками:

Очень бледный от страха, испуга, болезни и т. п. // Светло-русый, белокурый. // Седой —

и четырьмя ЛСВ (преимущественно переносными), не отмеченными словарями Ушакова и СОШ:

4. перен. Ясный, светлый (о времени суток). 5. перен. Не заполненный текстом, рисунком; неисписанный, чистый (о листе бумаги). 6. перен. Незапятнанный, нравственно безупречный. 7. Употр. как постоянный эпитет в народно-поэтической речи³.

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. I: А–Г / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ГИСЭ, 1935. Стлб. 121.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. С. 43 (СОШ).

³ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. I: А–Л. М.: АСТ, 2006. С. 148.

Спектр ЛСВ и семантических оттенков (последние, не столь интересные нас в рамках данной статьи, детально рассматриваются в БАС⁴) прилагательного *белый* могут быть дополнены дефиницией, помеченной в МАС как устаревшая и диалектная:

Чистый. *Белая горница. Белая половина (в избе)*⁵.

Этот ЛСВ (4-й в МАС) сближается с 7-м в словаре Ефремовой, что обусловлено общим источником — закрепленным при восприятии белого цвета в сознании народа и закономерно отраженным в народной поэзии и разговорно-бытовой фразеологии ореолом чистоты и непорочности.

На вопросы, что представляло собой Белое движение и почему во время Гражданской войны в России так обобщенно назывались все вооруженные формирования, организованно противодействовавшие Красной Армии, вполне убедительным представляется ответ историка В. Ж. Цветкова: «В 1917 году... белый цвет... ассоциировался с монархией. Это было связано отчасти с историей Франции, где королевским гербом Бурбонов была белая лилия...» В период Гражданской войны «термин “Белое движение” почти не употреблялся самими “белыми”. <...> В зарубежье... участники Белого движения стали определять себя “белыми” больше с психологической, социокультурной позиции», поскольку «на чужой земле, в другой стране надо было сохранить себя не просто как русских людей, но как сторонников определенной системы ценностей, за которые они отдавали жизнь во время Гражданской войны» [Пушаев, Электронный ресурс].

Глубина замысла автора, использующего лексику семантической группы «Белый цвет», может быть постигнута и оценена лишь с учетом того, что с белизной в русском сознании и языке концептуально связаны три основные темы: 1) святость и нравственная чистота (белые одежды святых, белые ризы, белые крылья ангелов);

2) невинность и непорочность (белая фата, белое платье невесты); 3) смерть (белый саван).

При создании стихотворения для Р. Рождественского, с нашей точки зрения, были наиболее значимы два из названных выше семантических аспектов ментального восприятия белого цвета, тесно взаимосвязанных в сознании носителей русского языка. Опираясь на текст, логично предположить, что автор мог ассоциативно воспринимать (скорее на интуитивном уровне, ведь ему, как всякому эрудированному человеку, были хорошо известны библейские сюжеты) Гражданскую войну как евангельский грех братоубийства. Следовательно, и людей, ставших ее жертвами — павших на фронтах в 1918–1920 гг. или скончавшихся в эмиграции (их, тосковавших по родине, но погребенных в чужой земле, тоже можно причислить к жертвам братоубийственной войны), — поэт мог подсознательно воспринимать как мучеников, уверовавших в святость Белого движения и остававшихся преданными ему до конца. Тогда и символический цвет савана, ассоциативная связь с которым осуществляется в тексте с помощью наречия *добела* (*Камень дождями изрыт добела*) и авторской незамкнутой элементарной метафорической конструкции [Левин 1998: 457–459] *Березовый отсвет покоя*, неразрывно связан у поэта с цветом крыльев (*Белая стая*) и одежд ангелов и святых мучеников.

Если сравнить этот текст, например, со стихотворением «Береза» С. А. Есенина, то в последнем очевидна актуальность 2-го из основных тематических аспектов восприятия белого цвета в русской языковой картине мира: невинность, девственная чистота. Эту узкую семантику органично дополняет авторский семантический оттенок ‘восхищающая совершенством красота природы’, контекстуально поддерживаемый словами *береза, серебро, снег, снежный*. Тот же семантический аспект (с окказиональным оттенком «совершенная красота, слепящая глаз рафинированной белизной, ярко выделяющейся даже на белом фоне») акцентирован в строке: *На белом белая белеет* — стихотворения И. Северянина «Дым льда».

Чтобы усилить элегическую экспрессию, Рождественский прибегает к синтаксическому параллелизму и лексическому повтору.

⁴ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. I: А–Б. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 378–388 (БАС).

⁵ Словарь русского языка: в 4 т. Т. I: А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. С. 78 (МАС).

Наряду с ключевым словом *белый* поэт повторяет контекстуально связанные с колоративом лексемы и выражения: *я, бывшие, свои, наши, пусть, здесь похоронены, не стало*.

Композицию стихотворения, написанного четырехстопным дактилем, можно рассматривать как кольцевую, поскольку, чтобы подчеркнуть святость места успокоения соотечественников, искренне веривших в святость Белого движения (впоследствии не только «реабилитированного», но и отчасти восторжествовавшего, не случайно сегодня герб и флаг России — те же, что были у белогвардейцев), поэт в начале текста описывает церковь (*Белая церковка*) и в последнем четверостишии употребляет ее синекдохическое наименование: *В небе — российские купола*.

Во 2-й строфе поэт мастерски использует бессоюзие и перечислительные ряды попарно соединенных союзом *и* однородных членов: в первых двух строках — метафорические (перифрастические), в двух последних — в большей степени контекстуально-антонимические, которыми обозначен широкий диапазон различных статусов и званий русских офицеров, дворян, покоящихся на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (от низшего юношеского — гардемарины и юнкера — до высоких «зрелых»: штабс-капитаны и полковники):

Здесь похоронены сны и молитвы.

Слезы и доблесть. «Прощай!» и «Ура!».

Штабс-капитаны и гардемарины.

Хваты полковники и юнкера.

Читатель всё сильнее проникается эстетическим настроением автора — состраданием и милосердием к соотечественникам, которые покоятся в чужой земле, и начинает постигать главную идею произведения — христианского всепрощения. Р. Рождественский постепенно подводит к мысли, что время и переоценка ценностей, искренняя вера в святость Белого движения, неизбывная, мучительная тоска по Родине и, наконец, смерть на чужбине наших, русских людей должны примирить два некогда враждебных стана: объединенные любовью к России сыны и дочери одного народа («красные» и «белые») в равной степени достойны уважения и памяти потомков. Сегодня, в постсоветское время, эта идея уже далеко не нова и вполне

очевидна, но заметим, что Рождественский, советский поэт, талант которого превзошел по силе его прокоммунистические убеждения и позволил еще в брежневскую эпоху прочувствовать назревшую необходимость такого примирения, одним из первых остро обозначил проблему и выразил ее с поразительной художественной силой.

Осознанию главной идеи во многом способствует и используемый в 3-й строфе обобщенно-качественный перечислительный ряд с лексическим повтором: *белая гвардия, белая стая, белое воинство, белая кость*. Мы видим, что доминантный цветовой признак подвержен определенной градации: за узуальным, с наименее яркой контекстуальной коннотацией военно-терминологическим сочетанием *белая гвардия* следует романтически возвышенная двучленная метафора *белая стая*, затем — книжное, в большей степени конфессиональное (характерное для таких жанров, как молитва, в том числе заупокойная, благословение и т. д.) выражение *белое воинство*. Замыкает эту градационную последовательность, призванную создать в восприятии читателя образ рафинированной белизны, метафорическое обозначение благородства — *белая кость*. А завершает строфу авторская антитеза: *Русские буквы. Французский погост...*

Следующие четыре строфы, в обрамлении двух интонационно-логических пауз, содержат основную часть (микротему) текста. Первое четверостишие в этой кульминационной части начинается строкой: *Я прикасаюсь ладонью к истории* — и заканчивается словами: *О, как же хотелось им в первопрестольную / Въехать однажды на белом коне*. В последней строке ключевое слово *белый* органично вписывается в текст, обретая новый яркий семантический оттенок: поэт употребляет эту лексему во фразеологически связанном значении, которое реализуется в крылатом изречении, восходящем к античной истории: *въехать (в город) на белом коне* — «войти победителем, триумфатором».

Вершиной кульминации стихотворения следует признать строфу:

Как они после — забытые, бывшие, —

Все проклиная и нынче, и впредь,

Рвались взглянуть на нее — победившую,

Пусть — непонятную, пусть — непростившую,

Землю родимую! И — умереть... —

которая следует за словами: *Только не наши они, а — ничьи...* — негативно воспринятыми эмигрантами. С нашей точки зрения, эта преамбула к кульминационной строфе, где наиболее остро выражено сострадание поэта к лежащим в чужой земле соотечественникам, вполне гармонирует с общей лирической тональностью и архитектурной текстом, так как создает тяжелое, гнетущее ощущение неприкаянности, бесприютности, вселенского одиночества, помогает в полной мере осознать, насколько трагичны, безысходны жизнь и смерть вдали от Родины.

Заключительную строфу поэт, используя прямые и косвенные наименования белого цвета (*белые, облака, березовый*), строит таким образом, чтобы достичь в финале максимального усиления экспрессивного эффекта белизны. Строфа пронизана тональностью умиротворения, мудрого элегического созерцания вечного приюта своих, русских, заброшенных на чужбину бурным лихолетием революции и Гражданской войны. Эта строфа, как и весь текст, продиктована чувством сострадания, и мы видим в ней подтекстный призыв автора к милосердию и христианскому всепрощению. Непрямое обозначение белого цвета *березовый* (напомним, что береза является ментальным поэтическим символом России) в авторской незамкнутой метафорической конструкции *березовый отсвет покоя* используется как напоминание о том, что вопреки вызывающей острое ностальгическое сопереживание временной и пространственной отделенности от родины покоящихся здесь соотечественников астральная и духовная связь их с Россией все-таки полностью не утрачена. Намек на нее содержится и в строке: *В небе — **российские** купола*, — которая напоминает также о высшем, самом справедливом судии (слово *небо* совмещает прямое значение с перифрастическим «Бог»), заповедовавшем быть милосердными, и в то же время подчеркивает святость этого места, которое стало последним приютом русских эмигрантов, заслуживших своей любовью к Родине и жизнью и смертью на чужбине как мученическим искуплением всех грехов светлую память потомков. В последних двух строках:

И облака, будто *белые* кони,
Мчатся над Сан-Женевьев-де-Буа —

использование ключевого слова *белый* в составе сравнительного оборота и аллитерация звука [б] способствуют усилению общей для данной строфы тональности умиротворения. Эти слова, переключаясь с последними двумя строками 4-й строфы:

Как же хотелось им в Первопрестольную
Въехать однажды на белом коне, —

ассоциативно воспринимаются как прощальное пожелание соотечественникам, заветная мечта которых навсегда осталась несбывшейся, покоиться с миром.

Выводы. Изложенные в данной статье результаты лингвокультурологического анализа роли и характера семантики белого цвета в стихотворении Р. Рождественского «Кладбище под Парижем» дают основания сделать вывод, что она выполняет текстообразующую и смыслообразующую функции, поскольку создает лейтмотивную элегическую тональность произведения и одновременно — в соответствии с авторским замыслом — в значительной степени помогает постичь и объективно оценить идейно-художественное содержание текста. Доминантным лексическим репрезентантом семантики белого цвета в стихотворении поэта является ключевое, неоднократно повторяемое в разных грамматических формах слово *белый*. Экспрессивный эффект при восприятии произведения достигается органичным совмещением двух основных узусальных ЛСВ этого прилагательного — ‘контрреволюционный, белогвардейский’ и ‘незапятнанный, нравственно безупречный’ — с семантическими оттенками ‘цвет савана’, ‘цвет одежд ангелов, святых’ и актуализацией закрепленных за этим ключевым цветообозначением концептуально важных для русского менталитета, ассоциативно взаимосвязанных тем — смерти и святости. Лингвокультурологическая значимость в тексте как самой лексической доминанты *белый*, так и ее семантических оттенков усиливается с помощью значения однокоренного наречия *добела*, ассоциативно близких обозначений *свечи, березовый, облака* и других тематически тесно взаимодействующих с ним слов и выражений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева К. А. Лингвоцветовая картина мира и диалог культур [Электронный ресурс]. URL: <http://irgf.utm.ru/last/No11/text07.htm> (дата обращения: 21.01.2021).
2. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // *Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание*. М.: Русское слово, 1996. С. 231–291.
3. Левин Ю. И. Структура русской метафоры // *Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 457–463.
4. Пуцаев Ю. В. Белые в русскую гражданскую: кто они были и чего хотели. Беседа с историком Василием Цветковым 28.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/120195.html> (дата обращения: 19.01.2021).
5. Рахилина Е. В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / отв. ред. д-р филол. наук А. П. Василевич. М.: URSS: КомКнига, 2011. 316 с.
6. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство (аспекты психолингвистического анализа). М.: Наука, 1984. 176 с.
7. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина // *Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку*. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.

REFERENCES

1. Andreeva K. A., Timofeeva A. M. The linguocolour picture of the world and the dialogue of cultures. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates = Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates. 2001;4:106–112 [Electronic resource]. URL: <http://irgf.utm.ru/last/No11/text07.htm> (accessed: 21.01.2021). (In Russ.)

2. Vezhbitskaya A. Colour designations and the universalities of visual perception. *Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian word, 1996. P. 231–291. (In Russ.)

3. Levin Yu. I. The structure of Russian metaphor. *Levin Yu. I. Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika = Selected Works. Poetics. Semiotics*. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. P. 457–463. (In Russ.)

4. Pushchayev Yu. V. The Whites in the Russian Civil War: who they were and what they wanted. An interview with historian Vasily Tsvetkov. *Pravoslavie.ru*. 2019, March 28 [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavie.ru/120195.html> (accessed: 19.01.2021). (In Russ.)

5. Rakhilina E. V. On the semantics of colour adjectives. *Naimenovaniya tsveta v indoevropeyskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz. = The names of colour in the Indo-European languages: Systemic and historical analysis* / A. P. Vasilevich (ed.). Moscow: URSS: KomKniga, 2011. 316 p. (In Russ.)

6. Frumkina R. M. Colour, meaning, similarity (aspects of psycholinguistic analysis). Moscow: Science, 1984. 176 p. (In Russ.)

7. Shcherba L. V. Experiments in the Linguistic Interpretation of Poems. I. Pushkin's "Recollection". *Shcherba L. V. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku = Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1957. P. 26–44. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Олег Евгеньевич Вороничев, доктор филологических наук, доцент

Анастасия Олеговна Вороничева, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Oleg E. Voronichev, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Anastasia O. Voronicheva, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.